

ОСИПОВ Геннадий Васильевич - академик Российской академии наук.

Питирим Александрович Сорокин - крупнейший мыслитель XX в., имя которого в социологии, без какого-либо сомнения, можно поставить в один ряд с именами Огюста Конта, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера, а в философии его труды по масштабности сопоставимы разве что с исследованиями Арнольда Тойнби. Питирим Александрович - социолог и философ, чье научное наследие выходит далеко за пределы его времени, оно носит вневременной, пророческий характер; и с течением лет глубина и справедливость его научных обобщений становятся все более и более очевидными.

Яркая научная, политическая и общественная деятельность Питирима Александровича описана им самим в книге "Долгий путь" в жанре автобиографического романа. Эта книга, только в 1991 г. опубликованная в России, не что иное, как социологический самоанализ биографии, личной истории на фоне трагической истории страны и анализ трансформации собственного мировоззрения, основанный на постулатах его поздней концепции "созидательного альтруизма". Многие страницы этой книги не только по характеру описываемых событий, но и по силе эмоционального воздействия перекликаются с "Окаянными днями" И.А. Бунина. Прошедший через многие испытания - изгнанный из страны и чудом избежавший расстрела, Питирим Сорокин, тем не менее, навсегда сохранил любовь и преданность России, куда он мечтал вернуться до последнего дня жизни.

О Питириме Александровиче как социологе и философе написано много книг, брошюр, статей, в них много правды и неправды, много субъективного, взаимоисключающих оценок. Помню, что в одной из книг мне встретился его портрет, рассеченный надвое. Кто он, ставят вопрос составители этой книги - социолог или философ? Однозначного ответа они не дают. Поскольку Питирим Александрович и блестящий

социолог, и философ, далеко опередивший свое время. И вновь читая его труды, мы убеждаемся в научном характере его социальных прогнозов, пророческих оценок о грядущих судьбах мира. Обо всем этом будет еще много написано, его труды будут переиздаваться вновь и вновь. Я не ставлю задачу дать анализ научного творчества Питирима Сорокина, я ограничусь только тем впечатлением, которое произвели на меня заочные и очные встречи с этим замечательным человеком.

Первое знакомство с Питиримом Сорокиным (заочное)

Первое знакомство с Питиримом Сорокиным у меня было заочным. В 1950 г. я учился в Московском государственном институте международных отношений МИД СССР. На семинаре по основам марксизма-ленинизма мне был поручен доклад по работе В.И. Ленина 1922 г. "О значении воинствующего материализма". После доклада преподаватель сказал: «Вы довольно подробно изложили суть выдающегося произведения В.И. Ленина, и это похвально. Но почему вы не остановились на том, как Ленин оценивал роль "воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и с философскими предрассудками"? Вы ничего не сказали о разоблачении Лениным таких реакционеров, как П. Сорокин».

Я действительно ни слова не сказал о критике В.И. Лениным П. Сорокина, так как в этой критике многое мне было непонятным, хотя в ее справедливости в то время сомневаться я не мог.

Напомню, что Ленин приводит вырванный из контекста абзац статьи "О влиянии войны" "некоего г. П.А. Сорокина", опирающегося на "якобы социологические исследования". Ленин ругает и автора, и журнал, поместивший сорокинскую статью ("Экономист". 1922, № 1), называя журнал "органом современных крепостников, прикрывающихся мантией научности, демократизма и т.д.". А о самом П. Сорокине говорит, что тот годится для просвещения юношества "не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста", и что рабочему классу в России нужно «подобных преподавателей и членов ученых обществ вежливоенько препроводить в страны буржуазной "демократии". Там подобным крепостникам самое настоящее место»³.

Я пытался разобраться, чем же Ленину так не понравился Сорокин. Я понял, что на основе анализа статистических данных П. Сорокин сделал вывод о том, что в Советском Союзе в постреволюционное время наметился процесс распада семьи и семейных отношений. И это как-то не вписывалось в тот образ социальной реальности, который создавался советской властью. Если следовать логике марксизма-ленинизма, то эта реальность должна укреплять семью и семейные отношения. Если этого не происходит, то значит что-то не в порядке с этой социальной реальностью. В.И. Ленин назвал П. Сорокина "дипломированным лакеем поповщины", сказав, что отмеченное им явление - закономерно в эпоху революционных потрясений, когда старая мораль рушится, а новая еще не сложилась. В.И. Ленин при этом как бы забывал, что его ближайшие соратники (А. Коллонтай и др.) утверждали, что институт семьи несовместим с социализмом, и что эти идеи не только пропагандировались, но и ложились в обоснование реальной политики, проводимой в то время советской властью. Когда я попытался что-то сказать об этом противоречии, противоречии между словом и делом, преподаватель перебил меня и закончил семинар словами: "Теперь, я надеюсь, вы понимаете мудрость нашей партии и ее вождя В.И. Ленина, изгнавших из науки буржуазную лженауку социологию, а таких лжеученых, как П. Сорокин, за пределы нашей страны".

---

¹ Ленин В.И. О значении воинствующего материализма. Поли. собр. соч. Изд. 5. Т. 45. С. 23-33.

²

³ Там же.

По прошествии многих лет это семинарское занятие, так явственно отложившееся в памяти, напоминает о том идеологическом диктате, о подавлении любого суждения, выходящего за рамки "дозволенного", о тех гнетущих моральных условиях, в которых приходилось учиться, работать и жить. Все, что не согласовывалось с нормативными установками, объявлялось клеветой, лженаукой. И неудивительно, что социология и ее яркие представители попали под "карающий" меч пролетарской революции.

Второе знакомство с Питиримом Сорокиным (очное)

Прошло много лет. Я закончил институт, затем аспирантуру Института философии, в 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию "Технократические направления в современной буржуазной социологии". Тогда я еще не задумывался над тем, что кроме истмата как составной части марксистской философии может существовать наука без ярлыков - "буржуазная" или "марксистская", просто наука, неподконтрольная идеологии, изучающая общество, его закономерности, явления, процессы - наука социология. С такой наукой я познакомился уже позже, во время работы V Всемирного конгресса социологической ассоциации (Вашингтон, 1962). Именно там у меня состоялось личное знакомство с Питиримом Александровичем Сорокиным.

Текст сорокинского доклада "Тезисы о роли исторического метода в социальных науках" был опубликован в "Трудах конгресса" еще до его начала, и я смог с ним познакомиться. И вот представьте мое изумление и радость, когда в перерыве пленарного заседания конгресса ко мне, сидящему в первом ряду вместе с советской делегацией, подошел высокий, стройный, элегантно одетый человек и представился: "Я Питирим Сорокин. Может быть, Вы меня заочно знаете. Почему-то ваши ученые избегают встреч со мной, а мне хотелось бы встретиться и поговорить с кем-нибудь, кто приехал сюда из Советского Союза". Питирим Александрович, вероятно, не знал, что не мы избегали, а нам было строжайше запрещено по собственной инициативе "вступать в контакт с иностранцами", а тем более с таким как Сорокин - человеком, высланным из нашей страны и приговоренным в России к смертной казни. Без разрешения руководства делегации нельзя было разговаривать один на один с зарубежными участниками конгресса, позволялось только в присутствии третьего лица. Причем, дисциплина в нашей делегации была железной.

На свой страх и риск я ответил, что рад этому знакомству.

Питирим Александрович отметил, что *впервые* среди зарубежных делегаций он видит советских социологов, что заинтересован во встрече с нами. Он стал делиться впечатлениями о выступлениях на конгрессе, очень хорошо отозвался о только что закончившем доклад Б.Ц. Урланисе, который говорил конкретно, приводил многочисленные статистические данные. Сорокин сказал, что Урланис даже тех, кто предвзято относился к России, заставил изменить свое мнение в лучшую сторону.

- Величие современного Советского Союза невозможно игнорировать, - продолжал он. - Но почему многие ваши ученые изъясняются общими фразами, лозунгами, приводят много цитат, говорят о достоинствах марксизма-ленинизма, а не о людях и социальных отношениях, способствующих изменению всего современного мира, создавших невиданную в истории мощную советскую страну? Пока ученые не будут анализировать конкретные социальные действия личностей и социальные последствия этих действий - ни о какой науке, тем более о социологии, не может быть и речи.

Я передал П. Сорокину текст своего доклада, и в это время к нам подошел заместитель директора Института философии АН СССР Александр Федорович Окулов. Я представил их другу другу. Совершенно неожиданно Питирим Александрович пригласил нас, меня и А.Ф. Окулова, к себе домой в гости. И уж совсем удивительно, что руководство делегации нашу поездку в гости к Питириму Сорокину не запретило.

После окончания конгресса, в аэропорту г. Бостона Питирим Александрович лично встретил нас и на своей машине (это был непривычный для советского глаза, длинный "Гудзон", которым он отменно управлял) отвез в гостиницу, а вечером того же дня мы

уже были в его доме, где в нашу честь был устроен прием или, вернее, по выражению Питирима Александровича, "встреча с цветом русской эмиграции" г. Бостона.

Сорокины жили в пригороде Бостона в Винчестере (штат Массачусетс) в трехэтажном особняке, расположенном на красивом пологом склоне величиной с полгектара, где Питирим Александрович разводил свой знаменитый сад с рододендронами и азалиями. В доме, очень уютном, на втором и третьем этажах находились два его кабинета, в которых он работал попеременно, в зависимости от освещения и настроения. Весь дом был оформлен в русском стиле. Особенно большое впечатление на меня произвела гостиная, где состоялся прием. Украшением гостиной были витражи с видами Кремля, храма Василия Блаженного и видов Санкт-Петербурга.

Питирим Александрович познакомил нас со своей женой Еленой - милой, очаровательной женщиной. "Я счастлива, - сказала она, - что мы с мужем принимаем гостей с нашей Родины. Хотя мы уже долгие годы живем здесь, душой мы всегда в России". Радужие Елены сразу же создало теплую, сердечную атмосферу.

Среди приглашенных были известные представители русской общины, живущие в Бостоне, которые, как сказал Сорокин, не имели прежде возможности встретиться с советскими людьми в неофициальной обстановке. Всего было около двенадцати человек. Хозяин дома представил нам всех присутствующих: ученых, юристов, врачей; рассказал об их трудах, о современных заслугах и о том, что во время войны эти люди, как и многие другие наши соотечественники в эмиграции, делали все возможное, чтобы помочь России. Многие работали в специально созданных фондах, собирали средства в поддержку страдающих от фашизма советских людей.

Первый тост Сорокина был обращен к нам.

- На встречу с Вами я пригласил соотечественников, которые, в силу сложившихся обстоятельств, были вынуждены покинуть Родину. Все они считают себя гражданами Великой России, ее посланцами на этот большой остров, называемый Соединенные Штаты Америки, все они чувствуют себя представителями великой русской культуры. Я поднимаю этот бокал за нашу Родину, за наших друзей из России.

А.Ф. Окулов с благодарностью произнес ответный тост, а когда беседа уже приняла неформальный характер, он неожиданно спросил П.А. Сорокина:

- Питирим Александрович, скажите, за что же Вас выслали из России? Правда ли, что Вы участвовали в подготовке покушения на В.И. Ленина?

Сорокин, вероятно, не ожидал такого вопроса.

- Да, это было. Но мне не хотелось бы об этом вспоминать. Нет людей, которые не совершали бы в своей жизни ошибок.

Таков был его дословный ответ. Настолько же многозначительный, насколько и туманный. До сих пор мне приходится сожалеть, что о многом тогда не было возможности расспросить, многое так и не удалось узнать. Детали заговора, детали событий тех революционных дней, вероятно, уже не узнает никто.

Желая сменить тему, Сорокин заговорил о Советском Союзе, о его колоссальных достижениях, о его влиянии на мир. Говоря о себе, обо всех присутствующих, он выразил огромное сожаление, что русские люди, не по своей воле оказавшиеся за рубежом, лишены связи со своей страной.

- И наша мечта, - продолжал он, - вернуться, хотя бы перед смертью в Россию. Другой Родины у нас нет и быть не может. Мы - не враги, не оппоненты советской власти. У нас очень много общего с вами.

- Вы говорите об общности, - возразил А.Ф. Окулов, - но живете в стране, политический и экономический режим которой прямо противоположен советскому.

- Знаете, Александр Федорович, ответ на Ваше возражение есть вот в этой моей брошюре: "Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип". (Дарит ее нам.) То, что произошло в России, качественно изменило мир. Мир стал иным. Те достижения, которые есть в Советском Союзе в области социальных открытий, образования, науки, культуры, в области национальной политики, сохранения даже очень небольших по численности народов, - всего не перечислить, -

эти достижения ценятся в современном мире. И поверьте мне, если США и другие страны хотят выжить, они в разное время и в разных формах будут воспроизводить советский опыт с учетом, конечно, своих особенностей, потребностей и традиций. Более того, я могу предположить, что те же советские социальные завоевания могут стать и предметом спекуляций в борьбе против социализма и коммунизма.

В свою очередь, в США имеются серьезные достижения в технологической, экономической областях, во внедрении научных открытий, в организации труда и т.д. Американское общество не такое, каким его изображает советская пресса. Чем выше прибыль предприятия, - продолжал Сорокин, - тем выше заработная плата служащих и рабочих. Я сам присутствовал на одном профсоюзном собрании, где по инициативе профсоюза было решено увеличить заработную плату директору, который добился увеличения прибыли предприятия.

Одним словом, и об этом я пишу в брошюре, необходимо то, что я обозначил понятием "конвергенция", т.е. соединение всего лучшего, что есть в СССР и США для блага обеих стран и блага всего человечества. Не противостоять, не навязывать друг другу своей воли, а действовать вместе, сообща. Иного пути нет...

В это время с улицы неожиданно донеслись хлопки выстрелов, за окнами гостиной вдруг стало светло, как днем. Оказалось, что кто-то запускал осветительные ракеты или петарды.

А.Ф. Окулов резко вскочил с места и со словами: "Это провокация, нам хотят устроить провокацию" - быстро, не прощаясь, пошел к выходу, сказав, что нам срочно надо возвращаться в гостиницу.

Вот так закончилась моя вторая, но уже личная встреча с Питиримом Сорокиным.

В Москве меня не покидала мысль о необходимости во что бы то ни стало попытаться организовать приезд П. Сорокина в Советский Союз. В 1966 г. я по своей инициативе обратился в отдел науки и вузов ЦК КПСС с письменным обоснованием такого предложения. Мне пришлось описать также и нашу встречу в доме Сорокина и его мечту побывать на Родине. Сразу же был задан вопрос, кто тогда разрешил эту встречу? Как это не удивительно, но работник ЦК КПСС, бывший тогда в руководстве советской делегации в Вашингтоне, подтвердил, что действительно давал согласие на нашу поездку в Бостон. Более того, даже поддержал предложение о приглашении П.А. Сорокина в СССР. Большую роль в данном случае сыграло и аналогичное параллельное обращение в ЦК КПСС о целесообразности приглашения П.А. Сорокина в СССР, направленное известным обозревателем газеты "Правда" Юрием Жуковым.

Казалось, что препятствий со стороны "директивных органов" для приглашения в СССР Питирима Александровича уже практически не было. Оставалась последняя инстанция - Л.И. Брежнев. Прежде чем решить вопрос о приглашении, он запросил все документы, связанные с высылкой П. Сорокина из СССР. И на одном из этих документов была обнаружена резолюция В.И. Ленина о том, что П.А. Сорокин в случае появления на территории СССР подлежит немедленному расстрелу.

- Вы что, - сказал Л. Брежнев, - хотите столкнуть меня с В.И. Лениным?! Его распоряжение я отменить не могу. И если кто-то, информированный об этом решении, вознамерится его исполнить, я этому не воспрепятствую.

Попытки организовать приглашение П. Сорокина в СССР предпринимались и позже: в 1967 г. выдающимся ученым, профессором В.А. Карпушиным (переписка которого с П.А. Сорокиным по проблемам философии истории не опубликована до сих пор); затем научным советом АН СССР по истории мировой культуры (академиком П.Ф. Юдиным).

Однако путь П. Сорокину на Родину оказался навсегда закрыт. В представлении партийных чиновников Сорокин всегда оставался безусловным врагом советской системы. Ему так и не удалось ни "сослужить службу русским ученым", ни "посетить родину до своей кончины".

---

⁴ Центр хранения современной документации (ЦХСД), ф. 5, оп. 59, д. 42, л. 1-2.

Третья встреча с Питиримом Сорокиным (очная)

Третья моя встреча с П.А. Сорокиным произошла во Франции в г. Эвиане на VI Всемирном социологическом конгрессе в 1966 г.

На конгрессе бурно обсуждался вопрос о том, какой наукой является социология: "эмпирической" или "теоретической". Произошло резкое размежевание участников дискуссий на "эмпириков" и "теоретиков". В определенной степени это размежевание объяснялось идеологическими мотивами. Марксисты, главным образом из Советского Союза, традиционно отождествляли социологию с истматом и считали ее наряду с диалектическим материализмом частью философии как чисто теоретической науки. На Западе, напротив, активно начинали развиваться коммерческие эмпирические исследования.

Для меня было важно услышать мнение Питирима Сорокина по этому поводу. Оно было совершенно определенным.

- Социология, - утверждал Питирим Александрович, - не может считаться наукой, если она занимается только сбором и обработкой эмпирических данных. Эмпирические данные нужны для верификации социологических теорий, концептуальных построений, теоретико-методологического объяснения прошлого, настоящего и, возможно, будущего человеческого сообщества. Истинный ученый не только занимается построением теоретических моделей, но, используя самый разнообразный социологический инструментарий, сам "проникает" в глубь социальной реальности, получая при этом факты, которые, кроме него, никто получить не в состоянии.

В качестве примера он привел свой труд "Социальная и культурная динамика", а также работу Эмиля Дюркгейма "Самоубийство", с которой, как он считал, начинается подлинно научная социология.

- В этом исследовании Э. Дюркгейма, - продолжал Сорокин, - органически сплетена гениальная теоретическая мысль и мощная эмпирическая база, исследовательский процесс, связанный с получением и анализом конкретных фактов. Социологи, которые действительно занимаются наукой, не столько используют в своих трудах факты, добытые другими, сколько сами выявляют, "открывают" данные, создавая в этих целях порой самые изощренные социологические инструменты и методы. Интерпретация чужих фактов никогда не даст ученому достаточную базу для серьезного научного исследования. В науке нет деления на "белую" и "черную" кость, когда одни строят чистую теорию, а другие ищут для нее подтверждения.

Во время дискуссий обсуждался еще один, не менее важный вопрос, о соотношении социологии и философии истории. Может ли исследование в области философии истории носить доказательный характер, характер истины? Вместо ответа Питирим Сорокин рассказал нам о своих встречах с Арнольдом Тойнби и о том, как они параллельно, независимо друг от друга приходили к одним и тем же выводам о характере социально-исторического процесса.

- С Тойнби мы встретились в Австрии в Зальцбурге, на Первом съезде Международного общества сравнительных исследований цивилизаций в октябре 1961 г. (Сорокин был избран первым президентом этого общества. - Г.О.). Мы были знакомы с работами друг друга, но личная встреча превзошла все ожидания. Случайно мой гостиничный номер и номер Тойнби с супругой оказались рядом. Ежедневно мы завтракали, обедали и ужинали вместе. Я буквально восхищался этой четой, их искренностью, цельностью характеров и добротой, их простотой в общении и отсутствием фальши и претенциозности, не говоря уже об из ряда вон выходящей творческой энергии доктора Тойнби. Так вот, об истинности и доказательности, - продолжал Сорокин. - Оказалось, что мы с Тойнби работали параллельно над одними и теми же проблемами философии истории, проблемами цивилизаций, человеческой культуры, получали одни и те же результаты, приходили к одним и тем же выводам. В Зальцбурге мы проговорили буквально два дня и две ночи и пришли к полному духовному единению, к абсолютному совпадению наших взглядов. Вот вам: два человека живут на

разных континентах, работают над одними и теми же проблемами и приходят к одним и тем же выводам. Это ли не есть доказательство истинности наших с Арнольдом Тойнби исследований? Жаль только, что мы познакомились слишком поздно, на закате нашей жизни.

Заключая свой небольшой очерк, хочется сказать о том, что часто мы не можем сразу оценить масштаб события; понять, что являемся свидетелями чего-то уникального и удивительного. Нередко неординарное и необыкновенное, находящееся рядом с нами, воспринимается как нечто обычное. И слишком поздно начинаешь понимать, что рядом был гений, что "прокрутить" события назад, чтобы расспросить, запомнить, запечатлеть, - уже нет возможности, что жизнь необратима.